

УДК 1(091)+101.1:316

Концепция «тотальной справедливой войны» К. Шмитта

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент*

В статье делается акцент на осмыслении кризиса политического и осуществляется анализ концепции «тотальной справедливой войны» немецкого мыслителя К. Шмитта. Подмена политики экономикой и демонизация врага как преступника стали главными следствиями кризиса политического. В силу этого классическая регулярная война в глобализирующемся мире трансформируется в «справедливую войну», которая становится тотальной и поэтому в принципе не может быть завершена мирным договором. В статье в качестве вывода утверждается, что современный мировой порядок базируется на тотальной войне, а партизан будет трансформироваться в террориста до тех пор, пока не будет признан как политический субъект.

Ключевые слова: кризис политического, «справедливая война», «тотальная война», мир, враг, политический субъект, партизан, терроризм.

The Concept of «The Total Just War» of C. Schmitt

I. N. Sidorenko, PhD Philosophy, Associate Professor

The author of this article focuses on the conceptualization of the crisis of political and analyses the concept of «total just war» of German philosopher C. Schmitt. The substitution policy by economy and the demonization of the enemy as a criminal have become the main consequences of the crisis of political. In this in the globalizing world the classic regular war has been transforming into «the just war». So the just war becomes total and therefore in principle it cannot be concluded with a peace treaty. The author of this article argues that the modern world order is based on the total war, and the guerrilla will have been transforming into a terrorist until he is not recognized as the political subject.

Keywords: the crisis of political, «the just war», «the total war», peace, enemy, the political subject, the guerrilla, terrorism.

Современный мир стремительно меняется: война из преступления превращается в полицейскую акцию; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; происходит размывание границ национальных государств, что, в свою очередь, лишает их права на национальный суверенитет; регулярная война, основанная на принципах Публичного европейского права, превращается в новую «справедливую войну», стремящуюся к тотальности и т. д. В целом, все изменения, с которыми сталкивается глобализирующийся мир, можно определить вслед за немецким мыслителем Карлом Шмиттом как следствия кризиса политического.

Одним из основных признаков кризиса политического является то, что большинство современных западных государств и республик постсоветского пространства успешно подменили политику экономикой, торговым сотрудничеством и государственным администрированием. Если на уровне внешней политики еще принимаются политические решения, то на уровне внутренней политики менеджеры от политики впадают в соблазн построить управленчески эффективное и совер-

шенное государство, которое всегда остается одинаково нейтральным. «Его ценности, его истина и его справедливость заключаются в его техническом совершенстве» [1, с. 52]. Так, доминирующим в современном глобализирующемся мире становится особый тип государственного образования, которое представляет собой квази-государство или «государство-контур», преследующее не политические цели, а чисто экономические выгоды, напоминая по своему устройству и по своей деятельности коммерческую фирму: «Социологически государство является всего лишь большим предприятием, и сегодня хозяйственный административный аппарат, фабрика и государство уже не являются сущностно различными» [2, с. 169]. Это означает, что принципы и правила организации и функционирования экономической сферы распространяются в современном обществе и на сферу политическую. Поэтому в современном типе государства конечной целью развития является не забота об общем благе, а преследование частного интереса и получение прибыли. Именно в силу этого К. Шмитт полагает, что полностью сложилось и реализовалось на практике

* Докторант кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

представление о чисто управленческом государстве мероприятий, которое администрирует, но не правит. Уподобляясь фирме, такое государство видит своей важнейшей целью не достижение всеобщего блага, а получение различного рода прибыли. Соответственно, у власти в таком глобализирующемся квази-государстве оказываются не политики, а так называемые политические менеджеры и маркетологи, призванные решать экономические и управленческие задачи. Если в традиционном государстве экономическая сфера была подчинена политике и государственным интересам, то в квази-государствах сфера политики не только подчиняется экономике, но и растворяется в ней.

Война, будучи продолжением политики, не может быть не затронута кризисом политического. Современные войны перестают быть регулярными, превращаясь в иррегулярные «справедливые войны», которые становятся подобны полицейским акциям и приобретают тотальный характер, так как нацелены на тотальное уничтожение как врага, так и политического как такового. Именно с возвращением «справедливой войны» и возникает в современном мире угроза тотальной войны.

В XX веке к проблематике «справедливой войны» обращались в своих трудах такие мыслители, как М. Уолтцер, Дж. Джонсон, Х. Маргентау, К. Уолтц и др. Наиболее целостно-обобщенный взгляд на справедливую войну представлен в исследовании норвежского философа и теоретика войны Хенрика Сисе «Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах» [3]. Исходя из реалистической трактовки этики и права войны, Х. Сисе отмечает следующие основополагающие требования, определяющие этико-правовые условия начала военных действий и их ведения и характеризующие тем самым войну как справедливое явление общественно-политической жизни. Главнейшим критерием «справедливой войны» выступает мера нравственности субъектов вооруженного противоборства. Нравственность, согласно современной теории «справедливой войны», — это критерий возможности начинать и вести военные действия. Отсюда вытекает стремление наложить на практику войны, т. е. практику использования военной силы, нравственно-правовые ограничения.

Выделяются две группы этико-правовых принципов «справедливой войны»: принципы *jus ad bellum* (право на войну), т. е. этико-правовые начала справедливости вступления в войну, справедливого, т. е. обоснованного начала войны; принципы *jus in bello* (военное право, право войны) — этико-правовые начала справедливого ведения войны. Х. Сисе отмечает, что одни войны безнравственны

и поэтому недопустимы, другие же могут быть оправданы с моральной точки зрения и имеют право на существование. Только исходя из принципов *jus ad bellum*, согласно современной теории справедливой войны, возможно определить, когда правомерно прибегать к войне.

Принципы *jus ad bellum* гласят: война должна начинаться по справедливым мотивам и ради морально оправданной цели; война должна вестись в соответствии с установленной справедливой целью и выразить «добрые, или правильные намерения»; войну может начинать только легитимная власть; начинаемая война действительно должна являться последним средством в решении стоящих задач; военные операции должны начинаться при наличии разумных шансов на успех; предполагаемое бремя войны должно быть адекватным практическим целям войны. Принципы *jus in bello* в современной теории справедливой войны трактуются как наиболее приемлемые в плане определения морально правомерных во время войны действий противоборствующих сторон.

Принципы *jus in bello* гласят: гражданское население должно обладать правом неприкосновенности и следует соблюдать принцип различия в отношении к комбатантам и не комбатантам; допустимо лишь пропорциональное использование насилия по отношению к противнику.

Таким образом, в современной теории «справедливой войны» анализируются критерии этико-правовой легитимности применения военных средств при решении конфликтов, а также морально-правовые аспекты ведения войны. Несмотря на то, что идея «справедливой войны» имеет многовековую историю и ее принципы закреплены в ряде международных документов, принятых после Второй мировой войны, этическая достоверность справедливого вооруженного противоборства неочевидна, тем более что ни в одной войне принципы справедливого военного противостояния полностью не исполнялись и не могут исполниться. Однако нравственный и правовой смысл концепции «справедливой войны» состоит в том, что она позволяет рационализировать нормативные ограничения военных акций и сформулировать четкие критерии нравственно-правовой оценки такого безнравственного явления, как война.

Совершенно противоположную точку зрения по вопросу «справедливости войны» высказывает К. Шмитт. Так, он проводит различие между регулярной войной, которая регламентируется и ограничивается как концепцией справедливой войны, так и международным правом, и современной «справедливой войной», которая становится иррегулярной и, будучи реализуема в «серых зонах»

современного глобализирующегося мира, выводится как из сферы морали, так и из сферы права и политики. Разрабатывая свою политическую концепцию враждебности, К. Шмитт настаивал на необходимости рассматривать врага политически, т. е. видеть в нем противника, а не только преступника, так как только с противником можно заключить мир, а значит, ограничить войну. Таким образом, включение врага в сферу политического делает возможным взаимное признание друг друга, что, в свою очередь, выступает условием возможности мира. «Оформленная» война на принципах *jus ad bellum* и *jus in bello* может быть «справедливой» только в силу того, что враг становится «справедливым» в той мере, в какой он допускается. Такая война регулярна и симметрична, она представляет собой урегулированное столкновение суверенных и формально равных государств. Более того, эта симметричная война содержит в себе и собственное естественное ограничение, т. е. политическое принятие врага, что, в принципе, по мысли К. Шмитта, не позволит ей перерасти в тотальную войну как слепое взаимоуничтожение.

Однако такая война осталась за рамками XIX столетия. Как отмечает К. Шмитт, эра войны нового типа, т. е. современной «справедливой войны», началась с подписания Версальского договора: отныне тот, кто объявляет войну, считается виновным. Последствия этого, с точки зрения К. Шмитта, катастрофичны, так как война превращается в полицейскую акцию, в борьбу добра со злом, которая разворачивается между теми, кто присваивает себе право судить, и теми, кто оказывается подсудимым. Так, постепенно, с начала XX столетия, война покидает сферу политического. Именно поэтому современную «справедливую войну» К. Шмитт характеризует как антиполитическую, а в концепциях «справедливой войны» видит дискриминационную концепцию войны, позволяющую применять против «неверных» любые средства. «Современная теория справедливой войны стремится именно к дискриминации противника, ведущего несправедливую войну. Сама война становится преступлением в уголовном значении этого слова. Агрессор объявляется преступником в самом что ни на есть уголовном смысле слова; он становится таким же *outlaw*, как и пират» [4, с. 135]. На основе такой дискриминации происходит криминализация врага. Вот как об это пишет французский философ, геополитик и писатель Ален де Бенуа, анализируя концепцию враждебности К. Шмитта: «Объявить врага преступником — значит, в определенном смысле, лишить его всякой политической претензии, то есть политически дисквалифицировать его. Преступник не может

отстаивать мнение или идею, истинность или ложность которых приходится оценивать; он представляется существом, вредным по своей природе. Когда же борьба идет во имя того, что имеет абсолютное значение, тот, с кем борются, полностью лишается всякой ценности: он объявляется абсолютной не-ценностью» [5, с. 42]. В силу этого ограниченная война преобразуется в войну тотальную, а враг, признанный преступником, становится тотальным врагом. Именно поэтому современные войны нового типа К. Шмитт описывает как бесчеловечные. Криминализация врага делает из него бесчеловечное чудовище, которое недостаточно победить, его необходимо уничтожить. Таким образом, современная «справедливая война» имеет двойной характер: с одной стороны, она претендует на то, чтобы быть моральной, с другой стороны, она осуществляется в виде полицейской акции, нацеленной на наказание врага как преступника. Конечно же, это уже не та справедливая война, концепции которой выстраивались в Средние века. Современная «справедливая война» оперирует такими понятиями, как «человечество», «свобода», «право»: если война ведется во имя человечества, она неизбежно становится «справедливой». Именно такая расстановка акцентов порождает новую опасность, а именно: иллюзию вечного мира, который может превратиться в бесконечную войну.

Анализируя концепцию враждебности К. Шмитта, можно выделить такие характеристики и особенности проявления современной «справедливой войны», как: стирание границ между армией и полицией, между внешней войной и гражданской войной, между исключением и нормой, между миром и войной, т. е. мир превращается в некое продолжение войны иными средствами. Процесс криминализации врага привел к тому, что современная «справедливая война» больше не завершается заключением мирного договора, она становится бесконечной. Еще одной важной особенностью современной «справедливой войны» становится отсутствие третьей стороны в споре о справедливости: получается, что справедливой является та война, которую ведет самый сильный. Поэтому если сегодня и можно говорить о возвращении доктрины «справедливой войны», то только в том смысле, что возвращается она в виде «дикости», отвергающей все те критерии, которые в средние века были параметрами справедливой войны. Отныне, как верно замечает Ален де Бенуа, «чтобы война была объявлена (теми, кто ее начинает) справедливой, достаточно, чтобы она велась во имя великих принципов свободы, человечества и демократии, хотя эти самые принципы

постоянно попираются ею во время военных действий [5, с. 74].

Описывая современную войну как тотальную, К. Шмитт акцентирует внимание и на трансформации солдата в партизана. Так, К. Шмитт отмечает, что в рамках классического военного права партизан мог быть лишь периферийным явлением, представляя собой либо вид легкого, особенно подвижного, но регулярного отряда; либо преступника, стоящего вне норм права, по существу подрывающего правила ведения войны, по отношению к которому не действуют никакие юридические нормы и конвенции [6]. Однако уже в рамках событий Великой французской революции появляется фигура партизана и феномен «тотальной войны». Своеобразная легализация «партизанской войны» и «тотальной войны» происходит уже в эпоху постмодерна. В частности, современная международная ситуация, события в Украине, Сирии, Ливии и других странах демонстрируют усиление «партизанских» и, как следствие, террористических тенденций в ответ на новую волну глобализационных процессов, экспансионистской политики Запада, и в целом, борьбы за права человека и торжество демократии.

Рассматривая основные характеристики партизана, К. Шмитт выделяет, прежде всего, его нерегулярность. Для партизана также характерна интенсивная политическая ангажированность (приоритет именно политического), что позволяет отличать его от разбойника и преступника, чьи мотивами, прежде всего, выступает личная корысть. Еще одна особенность партизана — повышенная мобильность, позволяющая наносить неожиданные удары по врагу и быстро скрываться от преследования. Партизан «носит фронт с собой»; военные действия разворачиваются и сворачиваются где угодно, что ставит противника в тупик. Одновременно с этим в партизана очень силен теллурический момент: оборонительный и почвеннический характер партизанских действий создает своеобразную легитимность этому движению. Партизан защищает свой мир и свою землю, поэтому он прав. В практике действий партизана срабатывает особая логика: будучи «вне закона» с точки зрения государства, партизан ссылается на идею как более высокую форму легитимности, в противоположность обычной законности. В этом смысле, по мнению К. Шмитта, если партизан не легален, то он действительно легитимен.

В современную эпоху информационных и сетевых войн фигура партизана обнажает и свою противоположную сторону, превращаясь зачастую в фигуру террориста. О возможности такой трансформации и ее негативных последствиях писал К. Шмитт, раскрывая опасность кризиса полити-

ческого. В качестве характеристик современного глобального терроризма можно отметить следующие: безграничность и тотальность; детерриторизация и сетевая природа; смешение военных задач и полицейских, что позволяет трансформировать войну в полицейскую акцию под видом «гуманитарной интервенции»; стирание различий между войной и миром, что в принципе не дает войне завершиться мирным договором. Таким образом, современная «справедливая война» — это «тотальная война», и она будет сохранять свой тотальный характер до тех пор, пока враг будет рассматриваться как преступник и, соответственно, выводиться за границы политического. Это не означает, что теракты — это не просто преступления. Задача К. Шмитта заключалась в том, чтобы подчеркнуть, что это именно политические преступления.

Таким образом, кризис политического и «гуманитарные» войны под видом современной «справедливой войны», дисквалифицирующие врага как преступника, перенимают эстафету у религиозных войн. Катастрофичность складывающейся ситуации заключается в том, что отменяется такая главная цель войны, как достижение мира, что в принципе обрекает все современные типы войн на тотальность как бесконечность. К сожалению, сложившиеся доктрины «справедливой войны» не в состоянии противостоять и объяснить как кризис политического, так и трансформацию войны и врага в некую тотальность. Отсюда однозначен следующий вывод: современный мировой порядок начинает определяться «тотальной войной», а партизан будет трансформироваться в террориста до тех пор, пока не будет признан как политический субъект. Только тогда, согласно мысли К. Шмитта, можно поставить границы войне и терроризму в мирное время, а значит, найти решение прекращению этой современной «справедливой войны».

Список цитированных источников

1. Филиппов, А. В. Ожиревший Левиафан. Читают ли в Кремле Карла Шмитта? / А. В. Филиппов // Рус. журн. — № 5. — 2008. — С. 50—57.
2. Шмитт, К. Политическая теология: сб. / К. Шмитт. — М., 2000.
3. Сисе, Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах / Х. Сисе. — М., 2007.
4. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов / К. Шмитт. — СПб, 2008.
5. Бенуа, А. де. Карл Шмитт сегодня / А. де Бенуа. — М., 2013.
6. Шмитт, К. Теория партизана [Электронный ресурс] / К. Шмитт. — Режим доступа: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf>. — Дата доступа: 23.03.2015.

Дата поступления в редакцию: 25.03.2016 г.